

В.О.ВАСИЛЕНКО

УДК 94(100)''1939-1945''

ИСТОРИЯ II МИРОВОЙ: МЕЖДУ СКИЛЛОЙ РЕВИЗИОНИЗМА И ХАРИБДОЙ СТЕРЕОТИПОВ, В ПЛЕНУ АКТУАЛЬНОСТИ

В статті аналізується висвітлення в сучасній історіографії пострадянських країн низки проблем історії II Світової війни, насамперед концепції ревізійністського характеру, та дається оцінка їхньої обґрунтованості.

В статье анализируется освещение в современной историографии постсоветских стран ряда проблем истории II Мировой войны, в первую очередь концепции ревизионистского характера, и дается оценка их обоснованности.

This article analyzes coverage of contemporary historiography of post-Soviet countries, a number of problems in the history of World War II, especially the concept of a revisionist nature, and assesses their validity.

Ключові слова: II Світова війна, історіографія, ревізійнізм.

Ключевые слова: II Мировая война, историография, ревизионизм.

Key words: II World war, historiography, revisionism

Совсем недавно миновало 70 лет с момента нападения Германии на СССР, или, как предпочитает выражаться часть отечественных и зарубежных историков, с начала Великой Отечественной войны. Я не являюсь большим поклонником практики “юбилейных” публикаций, но в данном случае есть повод коснуться некоторых вопросов, обоснованно находящихся в центре внимания, в частности, в нашей стране.

Интерес к истории II Мировой войны, как одному из ключевых событий прошедшего века, с годами не уменьшается и даже, как представляется, растет. Последнее едва ли не в первую очередь относится к ряду постсоветских и постсоциалистических государств Восточной и Центральной Европы. Поток литературы по данной проблеме, вышедшей

из-под пера далеко не одних лишь профессиональных историков, зачастую ставит в тупик неспециалиста взаимоисключающими трактовками и оценками событий, дискуссии вокруг которых еще четверть века назад казались принципиально невозможными и излишними. Ключевая роль в оживлении этого интереса, в том числе и у широкой публики, принадлежит известному циклу книг В.Суворова (“Ледокол”, “День “М”, “Тень победы”, “Беру свои слова обратно”, “Последняя республика”, “Святое дело” и др.). Можно по-разному оценивать степень их доказательности, однако упомянутая роль их не подлежит сомнению. Не случайно ключевые тезисы Суворова, так или иначе, пытаются опровергнуть или обосновать весьма заметная часть ведущих

исследователей истории II Мировой войны, прежде всего с постсоветского пространства (М.Мельтюхов, А.Исаев, М.Солонин, К.Закорецкий, Г.Городецкий и многие другие).

Одной из главных причин отмеченного интереса является пресловутая “актуальность” проблемы, которая в то же время делает чрезвычайно затруднительным, почти невозможным незаангажированный подход к ряду проблем, который исключал бы излишнюю политизацию и, в частности, стремление держаться в резонансе с позицией непосредственных участников войны. Представляется, однако, что срок, отделяющий нас от анализируемых событий, вполне достаточен, чтобы попытаться взглянуть на них более спокойно и отстраненно.

Специфика избранной проблематики состоит в том, что огромному массиву литературы, посвященному конкретно-историческим проблемам, далеко не соответствует степень его историографического анализа. Это, впрочем, не должно удивлять, поскольку вполне очевидно, что время обобщений здесь еще не пришло. Что же до настоящего момента, то имеем дело чаще всего с краткими обзорами, носящими в большей мере полемический, нежели собственно исследовательский характер: ряд авторов, отстаивая собственное видение той или иной проблемы, уделяют некоторое внимание критике своих оппонентов, несколько реже – комплиментам в адрес единомышленников.

Данная статья не претендует на сколько-то полный анализ массы проблем, накопившихся в изучении II Мировой войны, и, в частности, их отражения в новейшей литературе. Речь идет скорее о ряде тезисов и замечаний, зачастую вновь-таки полемического характера. В центре моего внимания будут находиться прежде всего вопросы, обращение к которым зачастую вызывает обвинения в т. н. “ревизионизме”, “переписывании истории”

и подобных прегрешениях (с точки зрения обвинителей).

Вполне отдавая себе отчет в том, что название статьи может вызвать упреки в чрезмерной претенциозности, считаю, однако, что оно в должной мере отражает саму сущность рассматриваемой проблемы. Припомним, что в случае с “реальными” (то бишь гомеровскими) Скиллой и Харибдой первая оказалась куда менее опасной, погубив, как и предсказывала Кирка, лишь шестерых из числа спутников Одиссея, тогда как Харибда угрожала гибелью им всем вместе с кораблем. Точно так же, по моему глубокому убеждению, для исследователя более опасна слепая приверженность устоявшимся стереотипам, нежели “ревизионистские” попытки пересмотра последних. “Ревизионизм”, понимаемый как стремление историка к воссозданию более адекватной картины прошлого, – неотъемлемая составляющая любого исследования (постольку, поскольку оно не является обычной компиляцией). К слову, сам этот термин далеко не всегда носил и носит негативный оттенок, даже в устах нынешних критиков. Вспомним, к примеру, ревизионистов из числа советологов и историков “холодной войны”, в изобилии появившихся в американской историографии с 60-х гг. прошлого века. Здесь не место останавливаться на истоках этого явления, прямо корреспондирующего со становлением в США и на Западе в целом своеобразного аналога отечественных “шестидесятников” – “поколения цветов и травы” (на мой субъективный взгляд, прежде всего и по преимуществу, конечно же, – травы). Характерно, однако, что попытки этих интеллектуалов левых взглядов провести переоценку ряда проблем с благожелательных для СССР позиций встретили в Советском Союзе вполне ожидаемое одобрение.

Когда политики пытаются клеймить позором “попытки переписывания истории”, они обоснованно рассчитывают на положительную реакцию части широкой

публики, иначе говоря, дилетантов, имеющих весьма слабое представление о том, откуда берутся факты и оценки в учебниках истории, по которым они учились в детстве и отрочестве. Позиция рядового обывателя по этому вопросу, как правило, напоминает известный анекдот о сыне (для желающих – жене, муже, дочери и т. д.), знающем, что деньги берутся из тумбочки, и не задумывающемся о том, кто их туда кладет.

Другое дело, когда подобную позицию демонстрируют (или имитируют) профессиональные историки. Им-то должно быть известно, что наше время отнюдь не является рекордным по темпам упомянутого “переписывания”, явно уступая, к примеру, советской практике 30-х годов. Тогда вчерашние представители “ленинской гвардии” и “герои Октябрьской революции” в одночасье оказывались “врагами народа”, британскими или немецкими агентами и т. д., так что их портреты и упоминания о них не успевали вымарывать из школьных учебников.

Безусловно, для практикующего историка очевидно различие между периодическим пересмотром представлений, бытующих по тому или иному вопросу внутри профессионального цеха, и сменой акцентов в массовой и учебной литературе, перед которой ставятся вполне практические задачи, прежде всего – воспитание лояльных, патриотически настроенных граждан. Как правило, эти процессы напрямую не совпадают; исключение составляют те режимы (можем назвать их тоталитарными), которые считают угрозой для себя даже инакомыслие, высказанное в монографии или статье в научном журнале, то есть в текстах, наиболее вероятное число читателей которых (вспомним “Хромую судьбу” братьев Стругацких) вряд ли превысит трехзначную цифру. Что же до учебников, то, без сомнения, выиграл Гитлер войну, европейские школьники зазубривали бы дату 1 сентября 1939 г. как день нападения

агрессивной Польши на Германию. Этому предположению существует совершенно реальное подтверждение по аналогии: достаточно вспомнить, что в СССР, выигравшем войну, действительно говорилось об “агрессии” Финляндии против Советского Союза.

Так что, повторяю, пересмотры, переписывания, переоценки в истории неминуемы. Их отсутствие говорит либо о смерти ее как науки, либо о том, что определенная проблема перестала интересовать историков (ведь ответы, которые мы пытаемся получить от прошлого, определяются исключительно заданными нами же вопросами). Однако в отношении II Мировой войны очевидны попытки создать уникальную ситуацию, закрепив юридически и политически отдельные исторические оценки и фактически запретив дальнейшие исследования этих проблем, поскольку их результат теперь должен быть заранее предопределен. Отход от этих жестких рамок во многих странах (прежде всего – континентальной Европы) грозит уголовным преследованием.

В СССР законодательство не предусматривало подобного – естественно, не в силу излишнего либерализма, а поскольку при существующей системе в этом попросту не было нужды. В последнее время, к сожалению, предпринимаются попытки “исправить” эту ситуацию. Речь идет прежде всего о некоторых шагах руководства РФ, наиболее заметный из которых – уже успевший стать притчей во языцех указ президента Д. Медведева №549 от 15 мая 2009 г. “О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России”. Ранее глава МЧС России С. Шойгу предложил ввести уголовную ответственность за отрицание победы СССР в Великой Отечественной войне. Его предложение поддержал и генеральный прокурор Ю. Чайка [24]. Разумеется, абсурдны сами приведенные выше формулировки. Вряд ли

кому-то известны работы, в которых бы утверждалось, что в войне 1939-45 гг. победу одержали нацистская Германия и ее союзники. Что же до упомянутого президентского указа, то характерно, что внимания российской власти удостоился весьма ограниченный круг фальсификаций, а именно тот, который, как считается, наносит ущерб интересам РФ. При этом в виду, очевидно, имеется одно из двух: либо фальсификаций, приносящих пользу российским интересам, не может существовать по определению, либо их наличие признается терпимым, если не прямо полезным. Трудно не вспомнить при этом роман Дж. Оруэлла "1984", и прежде всего "Министерство Правды" и знаменитую формулу "Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым".

Дурной пример оказался заразителен не только для наших соседей. При безусловной оправданности усилий, направленных на донесение до своего и других народов адекватной информации о голодоморе 1932-33 гг., следует признать решение об установлении ответственности (пусть и не уголовной) за отрицание голодомора как геноцида явно ошибочным и противоречащим принципу свободы слова. Любые попытки в этом направлении имеют скорее обратный эффект, порождая сомнения в истинности утверждений, запрещенных к обсуждению. Наиболее яркий пример этого – бурный рост в последние десятилетия литературы, посвященной отрицанию масштабов, а то и самого факта холокоста. Тут напрашиваются прямые параллели с украинским голодомором. Как известно, многие российские (и некоторые отечественные) историки в отрицании голодомора как геноцида прежде всего подчеркивают отсутствие документов, которые бы подтверждали намеренное уничтожение голодом сельского населения Украины и некоторых других регионов СССР. Однако

это так же истинно и в отношении холокоста. Никаких документов с решениями об уничтожении евреев, исходящих от высшего руководства III Рейха, не существует или, по крайней мере, пока не обнаружено; ничего подобного не содержат и пресловутые "Ванзейские протоколы". Однако и в случае холокоста, и в случае голодомора отсутствие письменного распоряжения не является основанием отрицать сам факт совершения преступления.

Более взвешенное отношение к оценкам событий II Мировой войны явственно прослеживается в последнее время в среде европейских политиков. Это знаменательно тем, что происходит, несмотря на мощное влияние, особенно в континентальных странах "старой Европы", социал-демократов и близких к ним сил, традиционно склонных к оправданию преступлений левых тоталитарных режимов, в отличие от правых, "фашистских". (При этом следует помнить, что, в отличие от советской пропаганды, любому современному серьезному исследователю, даже не занимающемуся специально этой проблематикой, известны весьма существенные различия между Италией Муссолини и Германией Гитлера, как в плане идеологии, так и существующего политического режима. Еще более очевидной эта разница была для самих фашистов и национал-социалистов).

Свидетельствами отмеченного выше стали два документа. Во-первых, это резолюция Европейского парламента от 2 апреля 2009 г. "Европейское сознание и тоталитаризм", фактически отождествляющая коммунистический и нацистский режимы. 23 августа было предложено утвердить в качестве общеевропейского Дня памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов. Спустя 3 месяца, 3 июля Парламентская ассамблея ОБСЕ, в свою очередь, приняла резолюцию "Воссоединение разделенной Европы", уравнивающую тяжесть

преступлений, совершенных “двумя мощными тоталитарными режимами, нацистским и сталинским”, и поддерживающую инициативу Европарламента в отношении 23 августа. Резолюция обращена ко всем странам-участницам с призывом отказаться от “структур и моделей поведения, нацеленных на то, чтобы приукрасить историю”.

Действительно, сопоставление реальных масштабов преступлений большевистского и нацистского режимов начисто опровергает тщательно культивируемый до сих пор частью исследователей (и политических сил) миф об исключительности именно вторых. Не столь важно, по какому принципу – классовому или расовому – осуществлялось полное или частичное уничтожение определенных категорий населения (хотя, очевидно, с точки зрения левых, традиционно пытающихся представить все национальное в качестве пережитков и атавизмов, уничтожение тех или иных социальных групп представляется более оправданным).

Коснемся некоторых направлений переоценок, относящихся ко II Мировой войне. Полным абсурдом является унаследованное от советских времен автоматическое причисление к числу “фашистских” режимов всех союзников Германии во II Мировой войне. Большинство из них избрали альянс с Германией в силу не идеологических мотивов, а банальной Realpolitik. Наиболее показателен в этом плане пример союзнических отношений между западными демократиями, в первую очередь Великобританией и США, и СССР. Вряд ли кто-то станет отрицать, что этот факт никоим образом не дает оснований характеризовать Советский Союз как либеральную демократию, так же, как и режимы англосаксонских стран – в качестве тоталитарных.

Точно так же и отношение сторонников украинской независимости к Германии, вне

связи с правящим там режимом, определялось геополитическими мотивами. Прежде всего речь идет о том, что в годы I Мировой войны эта страна была единственной из великих держав, чья политическая и военная элита (по крайней мере, часть ее) была заинтересована в обретении Украиной независимости. Общеизвестно, что итоги войны точно так же повлияли и на налаживание тесного сотрудничества СССР и Веймарской республики как двух аутсайдеров Версальской системы.

(На данном моменте остановлюсь чуть подробнее. Подавляющее большинство практических политиков, вопреки представлениям оценивающих их деятельность историков, руководствуется не априорными идеями и принципами, а реальными интересами: в лучшем случае – своей страны, в худшем – чужой или своими собственными. Это было впервые четко сформулировано лишь в середине XIX в. лордом Пальмерстоном (“У нас нет неизменных союзников, у нас нет вечных врагов. Лишь наши интересы неизменны и вечны, и наш долг – следовать им”), но понималось, пускай и на инстинктивном уровне, уже с незапамятных времен лидерами любых человеческих сообществ. Попытки же строить политику на отвлеченных принципах любого характера чреватые катастрофическими последствиями. Пример этого – вступление монархии Романовых, не нашедшей в себе сил отказаться от панславистской риторики, в I Мировую войну и ее последующий закономерный крах. Данью априорным идеям являлась в значительной мере и политика Гитлера. Это и отвергание любых компромиссов с потенциальными союзниками из числа народов СССР, и идея-фикс о возможности примирения с Великобританией, и то, и другое, не в последнюю очередь, – по расовым мотивам. Чтобы проиллюстрировать абсурдность подобного подхода, представим себе переформатирование коалиций в I Мировой

войне по аналогичному принципу, когда Великобритания оказалась бы союзницей Германии, не обращая внимания на ее военно-морские амбиции, а болгары и сербы забыли бы о своей вражде, имеющей тысячелетние корни, в угоду абстрактному “славянскому единству”. С этих же позиций выступает и часть современных украинских и российских политиков и общественности. С их точки зрения, пальмерстоновская формула в отношении нашей страны должна быть “усовершенствована” примерно следующим образом: “У Украины нет вечных интересов, а есть вечные враги (читай – Запад, в первую очередь США) и вечные друзья (читай – Россия)” [23].

Приходится констатировать, что подавляющее большинство российских и часть отечественных авторов, касаясь попыток сотрудничества украинских националистов с нацистской Германией, последовательно придерживается практики “двойных стандартов”. Договоренностям между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. с целью раздела чужих территорий так или иначе находят оправдания, тогда как попытки украинцев договориться с немцами, чтобы добиться создания собственного независимого государства, безоговорочно осуждаются. Все, как видим, в соответствии с древнеримской формулой “Quod licet Iovi, non licet bovi”.

Хорошо известно и часто цитируется заявление созданного членами ОУН-Б украинского правительства от 30 июня 1941 г.: “Возрожденное Украинское Государство будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Велико-Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации. Украинская Национально-Революционная Армия, которая будет создана на украинской земле, будет бороться далее совместно с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенное Соборное Украинское Государство и новый порядок во

всем мире” [21, с.76]. Как видим, это не более чем декларация о намерениях (каковые и уголовным законодательством не квалифицируются как преступление). Об этом нередко упоминают, акцентируя внимание на том, что отсутствие реального сотрудничества между украинскими националистами и немецкими нацистами – “заслуга” не первых, а вторых, поскольку Гитлер и большинство его окружения, как только что отмечалось, не были склонны к компромиссам в отношении стран Восточной Европы в целом и Украины в частности. С этим вряд ли имеет смысл спорить. Однако точно так же обстоит дело с сотрудничеством СССР и Германии, которое было прервано лишь по “инициативе” второй (вспомним знаменитое молотовское “Мы этого не заслужили!”). Предложение Гитлера присоединиться к оси Берлин – Рим – Токио отнюдь не было отвергнуто руководством Советского Союза с праведным негодованием. Стороны просто-напросто не сошлись в цене вопроса в ходе переговоров Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.: с точки зрения Гитлера, сталинские претензии (преобладание советского влияния в Финляндии, Болгарии, зоне проливов, а главное – угроза Румынии, стратегически важному для Германии источнику нефти) были неприемлемы, а старания перенацелить политику СССР на Ближний и Средний Восток, вызвав его столкновение с Британской империей, не увенчались успехом.

В случае СССР и Германии речь идет о весьма реальном и (до поры до времени) взаимовыгодном сотрудничестве. Свидетельство этому – хотя бы весьма ощутимые территориальные приращения обоих государств в начальный период войны. Что же касается достаточно распространенных утверждений о том, что Советский Союз не принимал участия во II Мировой войне вплоть до 22 июня 1941 г., то они выглядят откровенным лицемерием. И территориальные приобретения, и людские потери обеих стран в 1939-41 гг. вполне

сопоставимы (если, конечно, не пытаться отрицать, что советско-финская война была неотъемлемой составляющей II Мировой), так что странно было бы считать, что одна из них при этом воевала, а другая – нет. (Более того, элементарный арифметический подсчет показывает несостоятельность и утверждений о том, что к моменту начала агрессии Германии против СССР вооруженные силы первой якобы имели преимущество над Красной Армией в опыте ведения реальных боевых действий). Можно вспомнить и о том, что в ходе оккупации Норвегии немцами была использована советская база вблизи Мурманска, за что адмирал Э.Редер не преминул выразить благодарность адмиралу Н.Кузнецову.

(Распространенное в среде публицистов и даже историков определение пакта Молотова-Риббентропа как сталинской “сделки с дьяволом” явно грешит пренебрежением принципом историзма и представляет собой анахронизм. В отличие от Сталина, Гитлер в то время был еще лишь потенциальным “дьяволом”, поскольку масштабы репрессий в Германии в 1933-39 гг. не шли ни в какое сравнение с происходившим в Советском Союзе. Это следует учитывать и при оценке попыток сотрудничества с нацистской Германией сторонников независимости Украины).

Когда в наше время зачастую звучат обвинения со стороны российских авторов в адрес народов стран, оккупированных Германией (едва ли не в первую очередь Чехии) в том, что они работали на немцев, почему-то забывают, что особенно широкого выбора перед этими людьми не было, точно так же, как и перед гражданским населением оккупированных территорий СССР. Контрастом по сравнению с этим выглядит политика Советского Союза, который совершенно добровольно, без всякого принуждения обеспечивал нацистов почти всем, необходимым для ведения войны, вплоть до самого нападения 22 июня 1941. Накануне этой даты 52% экспорта СССР

приходилось именно на Германию. Если же наши российские коллеги и вспоминают об этом, то по большей части акцентируют внимание на трагизме ситуации, в которой советское руководство собственными действиями способствовало увеличению потенциала своего завтрашнего противника. Куда меньшее внимание уделяется тому очевидному факту, что переданные Германии ресурсы существенно облегчали той ведение войны против других стран, в том числе и будущих союзников СССР, от которых вскоре станут требовать скорейшего открытия второго фронта. (С другой стороны, можно вспомнить и о “моральном эмбарго” на продажу СССР алюминия, высокооктанового бензина и т. д., введенном США в конце 1939 г. в ответ на бомбардировки советской авиацией финских городов и гибель мирных жителей).

Безусловно, указанные особенности отличают не всех российских исследователей. К примеру, в “Системной истории международных отношений” осуществлен определенный “прорыв”, прежде всего психологического плана: СССР и нацистская Германия на протяжении всего первого периода войны последовательно характеризуются как союзники [17, с.345-347, 351, 360, 362-363, 366-367]. Тем не менее в последнее десятилетие подобные работы не делают погоды в российской гуманитаристике.

Достаточно часто, в том числе и высшими должностными лицами РФ, стали проводиться параллели между пактом Молотова-Риббентропа, в том числе и секретным протоколом к нему, и договоренностями в Мюнхене от 30 сентября 1938 г. (в советские времена именуемыми не иначе как “сговор”). При этом многие авторы суждений по данному вопросу весьма слабо представляют, о чем же в действительности договорились тогда по поводу Чехословакии (без консультаций с ее лидерами) А.Гитлер, Б.Муссолини, Н.Чемберлен и Э.Даладье. Речь шла, напомню, о передаче Германии населенной

преимущественно этническими немцами части исторической Богемии – Судетской области. Это было грубейшим нарушением суверенитета и территориальной целостности Чехословакии, но одновременно не следует забывать, что само включение Судет в состав этого созданного в результате I Мировой войны государства столь же грубо попирало торжественно провозглашенное победителями право наций на самоопределение. Это же относится и к австрийской проблеме, и к проблеме Данцига. Именно эти действия со стороны стран-победителей (прежде всего Франции) по отношению к Германии и стали питательной почвой для роста реваншистских настроений практически во всех слоях немецкого общества, спровоцировав легитимный приход нацистов к власти и в конечном счете – II Мировую войну.

Однако вернемся к Мюнхенским соглашениям. Редко вспоминают о том, что условием передачи Судетской области Германии стало, по настоянию прежде всего Франции, сохранение суверенитета и целостности Чехословакии в ее новых границах. Таким образом, руководство западных демократий (как и подавляющее большинство их избирателей) можно обвинить разве что в нежелании защищать, в том числе и силой, дальнейшее пребывание более 3 миллионов немцев в составе искусственно созданного и чуждого для них государственного образования. Никаких территориальных или каких-либо иных выгод Великобритания и Франция при этом не получили, не могли получить и не стремились к этому. Когда же Гитлер пошел на прямое нарушение договора, расчленив Чехословакию и превратив остатки Чехии в имперский протекторат Богемия и Моравия, ответом Великобритании стало беспрецедентное для политики этой страны предоставление гарантий безопасности Польше и в конечном счете – объявление войны Германии 3 сентября 1939 г.

Тем не менее то, что можно прочесть в любом учебнике истории, остается тайной не только для многих государственных деятелей, но и для некоторых высококвалифицированных профессионалов. Как пример приведу статью в весьма авторитетном журнале, издающемся под эгидой министерства иностранных дел Российской Федерации, доктора социологических наук, профессора, руководителя Российско-Балтийского центра Института социологии РАН Р.Х.Симоняна. Основное внимание автора посвящено терминологии: доказывается, что включение 3 прибалтийских государств в состав СССР в 1940 г. не может квалифицироваться как “оккупация”, так как ему не предшествовали военные действия, а должно быть признано “аннексией”, а еще лучше – “инкорпорацией”. С этим можно было бы согласиться, с оговоркой, что в таком случае “инкорпорацией” необходимо признать и включение в состав III Райха Австрии и Судетской области, и даже Богемии и Моравии, поскольку вермахт, как и советские войска в Прибалтике, не встретил здесь вооруженного сопротивления. Более того, вряд ли есть основания сомневаться в одобрении этих изменений большинством австрийских и судетских немцев, что в случае с населением Литвы, Латвии и Эстонии, как минимум, сомнительно.

Однако такая параллель автора, естественно, не устраивает. Он утверждает, что “безусловно, насильственным было включение в 1938 году Чехословакии в состав Германии, осуществленное (стоит особенно подчеркнуть этот момент) в полном соответствии с Мюнхенскими соглашениями, которые предшествовали пакту Молотова-Риббентропа и в политическом и в правовом планах вполне достойны, а в нравственном его, безусловно, превосходят” [16, с.66]. В пылу полемики отягощенному научными степенями и учеными званиями автору явно изменила выдержка, и ему удалось то, что редко

допускают даже школьники и студенты: допустить три грубые ошибки в одной фразе. В действительности же 1) Чехословакия в целом никогда не включалась в состав Германии, в противном случае Словацкое государство в 1941 г. никак не смогло бы принять участие в войне против СССР, 2) ее расчленение и создание протектората Богемия и Моравия произошли лишь в следующем, 1939 году, и 3) эти действия грубо нарушали, как только что отмечалось, Мюнхенские договоренности.

Впрочем, в данном случае речь идет не об историке, а о представителе социологии – дисциплины, основатель которой О.Конт в свое время озвучил претензии новорожденной на то, чтобы, используя устанавливаемые историками факты, стать своего рода “сверхисторией”, открывающей законы развития общества. В наше время такого рода амбиции проявляются редко (по крайней мере, трезвомыслящими представителями цеха); однако привычка пренебрегать “историческими частностями”, как видим, продолжает давать о себе знать.

Тем не менее особой скрупулезностью по отношению к фактам зачастую не отличаются и собственно историки. В качестве примера приведу работу доктора исторических наук, профессора А.Вдовина “История СССР от Ленина до Горбачева”. Напомню, что в минувшем году автор оказался в центре резонансной и острой дискуссии вокруг его (в соавторстве с А.Барсенковым) учебного пособия “История России 1917-2009”, которую пресса окрестила “делом историков” [22]. В его нынешнем труде встречаем следующее утверждение: “В составе вермахта были также легионы из мусульман Поволжья и Крыма, казачьи соединения, с начала войны – западноукраинские и прибалтийские эсэсовские дивизии. К концу войны украинские коллаборационисты были объединены в Украинское освободительное войско (бандеровцы), а русские – в Русскую освободительную армию (власовцы)” [1,

с.232]. По количеству несообразностей эта короткая цитата вполне может конкурировать с приведенным выше пассажем социолога Симоняна. Единственная (а не во множественном числе) XIV гренадерская дивизия войск СС “Галичина” начала формироваться лишь в апреле 1943 г., а впервые вступила в бой летом 1944 под Бродами [5, с.586-587], что несколько сложно считать “началом войны”. Очевидно, в воображении автора до размеров дивизии разрослись батальоны “Нахтигаль” и “Роланд” (в общей сложности – примерно 700 украинцев), часто ошибочно относимые к полку особого назначения 800 “Бранденбург” в составе абвера-II (но уж никак не СС) и просуществовавшие до августа 1941 г.; впоследствии, с декабря 1941 по декабрь 1942, большая часть их личного состава была объединена в 201 батальон охранной полиции [6, с.146-155].

Наконец, трудно понять, какое “Украинское освободительное войско” бандеровцев упоминается в одном ряду с РОА, да еще и в конце войны. Действительно, после поражения под Сталинградом, в условиях острой нехватки в вермахте личного состава, было допущено – что характерно, сперва втайне от Гитлера – формирование национальных воинских частей, среди них и т. н. “Українського визвольного війська” (УВВ). Однако, в отличие от реально созданной и действовавшей РОА, в данном случае действия немцев ограничились преимущественно пропагандистскими мероприятиями: несколько частей УВВ в составе вермахта действительно были созданы, однако почти сразу же (в августе 1943) расформированы [4, с.251]. Думаю, излишне говорить, что никакого отношения к ОУН-Б данное эфемерное образование не имело. К слову, даже сейчас в нашей стране не всем известно, что именно бандеровцы выступали против создания упомянутой выше украинской дивизии СС.

(Впрочем, анализируемая цитата – далеко не единственное свидетельство

достаточно вольного обращения А.Вдовина с историческими фактами. Однако подробный анализ данного сюжета не может быть осуществлен в рамках настоящей статьи, а потому я надеюсь посвятить ему отдельную публикацию).

В свете вышеуказанного вряд ли стоит удивляться еще одному утверждению, прозвучавшему из уст хотя и не профессионального историка и вообще не ученого, однако человека, долженствовавшего получить, без сомнения, блестящее образование. Речь идет о гражданине РФ В.Гундяеве, более известном как глава Московского патриархата Кирилл. Выступая в июле 2009 г. в Киеве на телеканале “Интер” и отвечая на вопрос об отношении к упомянутым выше резолюциям Европарламента и Парламентской ассамблеи ОБСЕ, он заявил о коренном отличии между гитлеровским и сталинским режимами и определил первый как человеконенавистнический, а второй – как репрессивный. Доказательством же упомянутого отличия, по мнению главы РПЦ, является то, что западные демократии во II Мировой войне встали на сторону именно СССР, а не Германии.

Как видим, и в этом случае внимательное чтение соответствующего раздела школьного учебника предохранило бы главу православных России от крупного конфуза (которого, впрочем, присутствовавшая в студии аудитория, а в ее числе – некоторые наши именитые коллеги, видимо, также не уловила). Прежде всего бросается в глаза хронологический абсурд: Великобритания находилась в состоянии войны (пускай до поры до времени и “странной”) с Германией с 3 сентября 1939 г. и вплоть до капитуляции последней; в то же время СССР до июня 1941 пребывал с той же Германией практически в союзнических отношениях (которые при желании также можно именовать “странными”). Неоспорим следующий факт: СССР и лично И.Сталин не создавали антигитлеровскую коалицию, и не вокруг них последняя формировалась. Да и

оказался-то в этой коалиции Советский Союз не по собственной воле, а был “определен” туда нападением Германии и ее сателлитов. Именно “первая в мире страна победившего пролетариата” была единственным заметным участником войны, менявшим в ее ходе своих союзников. (Не принимать же всерьез, к примеру, объявление войны Германии Румынией и Италией).

Другое дело, что 22 июня 1941 г. эта перемена произошла не по воле руководства СССР: оно было поставлено Гитлером перед фактом. А вот когда летом 1939 Сталин и его окружение имели свободу выбора, то он был сделан в пользу нацистской Германии, а не стран Запада. Что же до Великобритании, Франции и даже США, то перед ними практически не возникало вопроса, в каком лагере им быть. СССР же желал для себя во II Мировой роли *tertius gaudens* – “третьего, который смеется”, желая до выгодного момента оставаться вне схватки и над ней. Так, оценивая начавшуюся войну в Европе, Сталин в беседе с руководством Коминтерна 7 сентября 1939 г. заявил, что “война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону” [Цит. по: 8, с.422].

Сейчас в РФ весьма модно (в том числе и в соответствии с нынешним внешнеполитическим курсом) возлагать максимум ответственности за II Мировую войну на Великобританию. (Несколько сложнее ситуация с США, где, как

общеизвестно, Ф.Д.Рузвельт делал все возможное, чтобы спровоцировать Японию и втянуть свою страну в войну, вопреки ясно выраженной воле абсолютного большинства народа и Конгресса. Неудивительно, что именно ФДР был наиболее жалуемым советской историографией американским президентом). Так, с нетерпением ожидается снятие грифа секретности в 2017 г. с документов, проливающих свет на миссию Рудольфа Гесса. Возникает, однако, закономерный вопрос: на что возлагаются такие надежды? Возможно, на то, что будет опубликовано письменное обязательство сэра Винстона заключить мир с Германией, в случае ее нападения на Советский Союз? Но ведь, даже будь это так, следует помнить, что именно СССР весь первый период войны предоставлял существенную помощь Гитлеру в его действиях против западных стран, в частности, в той же “битве за Англию”. В таком случае оставалось бы разве что снять шляпу перед дипломатией “коварного Альбиона”, если ей и в самом деле удалось расстроить направленный против нее альянс двух тоталитарных режимов.

Постоянно звучащие в последнее время рассуждения о “страшливании” Великобританией немцев и русских оставляют впечатление, что речь идет о бойцовских собаках, петухах или сверчках, а не интеллектуально полноценных людях, тем более – государственных руководителей. Безусловно, Англия, по крайней мере с XVI в. и до конца существования своей империи, была перманентно заинтересована в том, чтобы среди государств Европы не существовало откровенного гегемона, и это ей практически всегда блестяще удавалось, естественно, не без посторонней помощи. Однако разве меньше то же самое было нужно всем странам и народам континента, исключая, разумеется, тех, кто в данный момент готовился примерить облачение гегемона на себя? Дольше всего такие надежды питали французы, очень давно – испанцы, позже за эту роль попробовали

поборются русские и, наконец, немцы. Но, разумеется, никогда и никакие из этих держав не могли объединить свои усилия для установления подобной системы, и lamentации по этому поводу российских историков и публицистов попросту беспредметны. Ведь любой “новый порядок” в Европе представлялся бы идеальным лишь тому, кто сам его бы установил и контролировал.

(В связи с 70-летием начала войны в России зазвучали и обвинения Польши в проведении “безумной” политики, а именно в неприятии каких бы то ни было уступок по вопросам Данцига и “польского коридора”. Такие упреки имеют под собой основание, однако оставляют впечатление, что их авторы, подобно Н.Чемберлену и Э.Даладьё в сентябре 1938 г., верят, что подобные уступки заставили бы Гитлера удовольствоваться ими. С другой стороны, налицо, как и во многих других случаях, яркий пример “двойной морали”, поскольку не слышны аналогичные – и, пожалуй, не менее обоснованные – претензии в адрес Сербии за события лета 1914 г. и их последствия. Неужели вся причина лишь в том, что верующие сербы, в отличие от поляков, не верят в исхождение Святого Духа от Бога-сына и в существование чистилища и употребляют при причастии квасной хлеб вместо опресноков?).

Весьма распространен упрек по адресу Черчилля в якобы меньшей преданности, по сравнению со Сталиным, принципам правосудия и законности (как известно, британский премьер предлагал, в случае пленения лидеров III Райха, казнить их, не прибегая к судебной процедуре). Однако подобное утверждение явно абсурдно. Вполне очевидно, что британцы понимали: существующая правовая база не дает шансов на легитимное осуждение и наказание нацистских преступников. (Разумеется, практика “московских процессов” 30-х гг., при всем желании Сталина и его окружения, не могла быть реализована на международном уровне,

даже при тогдашних симпатиях “прогрессивной общественности” Запада, в первую очередь – левой интеллигенции, к СССР). В итоге так и произошло, поскольку на Нюрнбергском процессе (хотя и с благой целью) были нарушены два фундаментальных принципа правосудия: а) никто не может быть судьей в собственном деле и б) никто не может быть осужден на основании закона, не существовавшего на момент осуществления деяния.

Однако вернемся к пакту от 23 августа 1939 г. Одним из основных мотивов Советского Союза при его заключении принято считать стремление избежать войны с Германией и выиграть время. Что до второго, то трудно сказать, кому это принесло больше пользы, поскольку, вопреки живучим до сих пор стереотипам, отставание в количестве и качестве вооружений было проблемой отнюдь не СССР, а Германии. Однако, в отличие от СССР и Японии в 1941 г., СССР и Германия в 1939 не имели общей границы, а в доядерную эру это означало на практике отсутствие взаимной угрозы. О каком ненападении тогда могла идти речь? Ясно, что эта часть пакта приобретала смысл лишь в случае реализации намерений, завуалированно зафиксированных секретными протоколами. Что же до еще одного ключевого тезиса советской версии предистории войны, а именно стремления западных государств столкнуть Германию и СССР, то и данный вариант развития событий был бы возможен лишь при условии ликвидации “барьера” в лице Польши и (или) стран Балтии. Можно, конечно, поверить в предельное коварство британской дипломатии и считать, что предоставление гарантий Польше имело целью как раз сделать ее более неуступчивой и в конечном счете столкнуть с Германией. Однако эта версия, как и любая конспирологическая теория, не выдерживает испытания фактами: в ее рамках невозможно правдоподобно объяснить, зачем же Великобритания вступила в начавшуюся войну и почему

впоследствии не воспользовалась ни одной из многочисленных возможностей заключить мир на почетных условиях, в том числе и 22 июня 1941 г.

Как уже отмечалось, ключевая роль в возрастании интереса к рассматриваемым проблемам (в модном ныне жанре “интеллектуальной провокации”) принадлежит многочисленным книгам как самого В. Суворова, так и его последователей и оппонентов. Ввиду широкой известности основных выдвинутых им тезисов, нет никакой нужды приводить их. Представляется, однако, совершенно непонятным категорическое и априорное, зачастую – исключительно на уровне эмоций, отторжение их как историками, отстаивающими советскую стереотипную версию истории войны, так и частью широкой общественности. Любые действия большевистского режима, в том числе – и открытая неспровоцированная агрессия против суверенных государств, находят достаточное число добровольцев, готовых ревностно искать для них оправданий. А вот всего лишь неосуществленное намерение (буде оно имело место) нанести превентивный удар по тоталитарному режиму Германии отвергается по принципу “этого не может быть, потому что не может быть никогда”. Найти какое-либо рациональное объяснение этому факту чрезвычайно затруднительно; возможно, специалист порекомендовал бы в данном случае обратиться к научному наследию доктора Зигмунда Фрейда.

Упомянутые книги В. Суворова, в силу известных причин, основаны почти исключительно на открытых советских источниках и не являются научными исследованиями, в строгом смысле этого слова. Возможно, поэтому после знакомства с ними (в начале 90-х гг.) у многих сложилось впечатление, что ожидаемое рассекречивание архивных материалов поможет профессионалам легко доказать беспочвенность домыслов историка-любителя. Тем не менее годы шли, а ничего,

что коренным образом опровергало бы суворовскую версию, за это время так и не появилось. В свете этого один из ведущих отечественных специалистов по истории II Мировой войны В.Гриневиц имел все основания для следующей констатации: "...специалисты постепенно приняли научную конструктивность суворовской гипотезы. Как на Западе, так и на постсоветском пространстве ныне уже нет серьезных ученых, которые бы полностью отрицали эту идею, причем открытие архивов не только не опровергло, но и усилило ее. ... Если внимательнее рассмотреть современные российские взгляды на внешнеполитическую деятельность Сталина в канун войны, то становится очевидным, что их логика в конечном счете совпадает с суворовской. Так, еще недавно модная дискуссия "готовил ли Сталин наступательную войну?" утратила остроту, а на смену ей пришло оправдание сталинских аннексий 1939-1940 гг., причем российские ученые нашли удачную формулу для объяснения этих неправых и неправомерных действий – "обеспечение безопасности границ СССР". ... К слову, один из ведущих российских исследователей войны, Михаил Мельтюхов, который практически вплотную подошел к суворовской гипотезе о превентивной войне, красноречиво назвал свою книгу "Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941". Характерно, однако, что при защите докторской диссертации это откровенное название было заменено более "патриотическим": "Политическое обеспечение национально-государственных интересов СССР (1939-1941)", и защита прошла на "ура!" [3, с.19-20].

Упомянутый труд М.Мельтюхова действительно принадлежит к числу наиболее фундаментальных исследований военной истории за последние десятилетия. В нем, в частности, опровергается ключевой тезис советской пропаганды (и части современных историков) о пакте Молотова-

Риббентропа как необходимой для СССР "передышке", устранившей мифическую (для лета 1939 г.) угрозу советско-германской войны [8, с.423]. Один из обобщающих выводов автора сводится к следующему: "...так называемая "миролюбивая внешняя политика СССР" являлась не более чем пропагандистской кампанией, под прикрытием которой советское руководство стремилось обеспечить наиболее благоприятные условия для "сокрушения капитализма" военным путем. Эти условия, судя по приводимым документам, заключались в создании военно-промышленного комплекса, способного обеспечить наступательные действия Красной Армии, и в возникновении войны между остальными великими державами. В этих условиях можно было под прикрытием лозунгов о "миролюбии СССР" начать "экспорт революции" в страны Европы, первым этапом которого стала агрессия Советского Союза против своих западных соседей и аннексия территорий в Восточной Европе в 1939-1940 гг. Только в силу сложной международной обстановки Москве не удалось захватить Финляндию, которая рассматривалась как стратегический плацдарм для действий в Скандинавии и на Балтике" [8, с.444-445]. Впрочем, Мельтюхов (по крайней мере, в последние годы) несколько смягчает свою позицию, утверждая, к примеру, что Германию и СССР в период 1939-1941 гг. нельзя считать союзниками [25].

В последние годы дискуссия по поводу того, готовил ли СССР превентивную войну против Германии, действительно утратила былую остроту. На первый план выдвинулся другой вопрос, а именно поиск объяснений катастрофических поражений советских войск в начальный период войны. Здесь роль, во многом аналогичную суворовским, сыграли книги другого историка-любителя М.Солонина. Вкратце говоря, его позиция сводится к следующему. Поскольку к нашему времени, вопреки усилиям советской официальной историографии,

стало общеизвестным действительное соотношение между войсками Германии (вместе с ее союзниками) и СССР в живой силе и технике к началу войны, списывать упомянутые поражения на “устаревшие” типы танков и самолетов, “внезапность” нападения и т. п. более невозможно. Следовательно, причину следует искать не в собственно военной сфере, а в элементарном нежелании весьма значительной части населения Советского Союза воевать за него и существующую власть. Лишь с конца 1942 – начала 1943 гг., по мнению Солонина, война между СССР и Германией действительно приобретает, в силу ряда причин, характер “Отечественной”, что не замедлило сказаться на ее ходе и результатах.

Значительная часть тезисов Солонина подтверждается фактами, в частности, на отечественном материале. К нашему времени (по крайней мере, специалистам) действительно известны документальные подтверждения того, что далеко не все население УССР стремилось защищать власть большевиков. Разумеется, имели место и не единичные проявления героизма, и очереди добровольцев у военкоматов, хорошо запомнившиеся очевидцам этих событий. Однако в большей мере подобное было свойственно молодежи, особенно городской, то есть тем людям, чье становление как личности происходило уже в условиях массивной пропаганды и тотального контроля режимом идеологической сферы. Менее заметным, но красноречивым фактом было массовое уклонение от призыва. Причем это имело место не только в недавно присоединенных к СССР западных областях, а и в центре, и на уже в значительной мере русифицированном востоке республики (а следовательно, не в первые недели и даже месяцы войны). Так, по состоянию на октябрь 1941 г. на некоторых призывных пунктах Ворошиловграда явка составляла 10%, 18%. Тогда же в целом по Харьковскому военному округу явилось лишь 43% от

общего числа призванных; процент дезертиров из числа новобранцев составлял в Чугуевском районе 30%, Сталинском – 35%, Изюмском – 45%. Всего на оккупированной территории осталось 5,6 млн. военнообязанных [19, с.728, 753]. Общеизвестным фактом в наше время является и массовая сдача в плен командиров и красноармейцев в начальный период войны [2, с.94-109].

Весьма аргументированно опровергает М.Солонин и распространенный стереотип, противопоставляющий “триумфальный марш” вермахта по Европе (прежде всего в польской и французской кампаниях) “героическому сопротивлению” последнему со стороны советских вооруженных сил. При этом, действительно, вполне достаточно вооружиться географической картой и (при необходимости) таблицей умножения. Окажется, что уже за первые 3 недели войны против СССР немцы продвинулись на 350-500 км. и заняли территорию площадью в 700 тыс. кв. км., что примерно в 3 раза больше территории Польши, оккупированной вермахтом в сентябре 1939 г., и в 6 раз больше территорий Бельгии, Нидерландов и северо-восточной Франции, захваченных в мае 1940 г. Потери немецких войск в живой силе к этому моменту были в 1,5-2 раза меньше, чем за аналогичный период в мае 1940, в танках – примерно равными (при том, что французские средства противотанковой обороны весьма существенно уступали советским), а потери люфтваффе – вдвое большими на Западном фронте, нежели на Восточном [18, с.340 и далее].

Главная же причина конечного успеха СССР в войне с Германией сформулирована автором следующим образом: “То количество дивизий, которое вермахт смог сосредоточить у границ Советского Союза, представляло собой максимум, который смогла достичь 80-миллионная Германия на втором году после начала всеобщей мобилизации. С другой стороны, полторы сотни дивизий первого стратегического эшелона, которые Красная Армия

сосредоточила у западных границк середине июня 1941 г., представляли собой тот минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сформировать в рамках скрытой, тайной мобилизации...” [18, с.348]. Таким образом, речь идет о факторах, известных стратегам всех стран и народов с древнейших времен – численности и пространстве.

Безусловно, дискуссии о роли “генерала Зимы” в победах над Наполеоном и Гитлером далеко не новы. Однако подобным образом – с помощью географии и климата – зачастую пытаются объяснить успехи не только России, но и других стран. Трудно переоценить роль, которую сыграл Ла-Манш в противостоянии британцев тем же противникам, да и во многих случаях ранее (хотя не остановил в свое время ни римлян, ни англосаксов, ни нормандцев, а в обратном направлении – потомков тех же англосаксов в июне 1944 г.). Если не пытаться рассматривать Советский Союз как некий гомогенный монолит, то окажется, что и территория России отнюдь неплохо защищена от противников с Запада пространствами Украины, Беларуси, балтийских республик. Да и, действительно, никакой другой противник нацистов не мог позволить себе такую роскошь, как потеря в первые полгода войны без малого 1,5 миллионов кв. км. территории и почти 4 миллионов военнослужащих лишь пленными (попросту за неимением ни такой территории, ни стольких солдат).

Следует помнить, что ни В.Суворов, ни М.Солонин, ни один из лидеров противоборствующего им лагеря А.Исаев не являются историками по образованию. Это, безусловно, является раздражающим фактором для многих моих коллег, поскольку в последнее время количество историков-дилетантов и без того весьма велико. Однако, как мы хорошо знаем, большинство наших однокурсников с дипломами об окончании исторических факультетов не является практикующими историками, реализуя себя во всевозможных иных областях

деятельности; учительствование же в средней школе также не оставляет особых возможностей для самостоятельных исследований. Поэтому, по моему глубокому убеждению, единственным аргументом в дискуссии могут служить лишь факты, а не “фехтование” дипломами, аттестатами и иными регалиями. Точно так же для опровержения позиции оппонента недостаточно назвать его (как в былое “доброе” время) “фашистом”, “буржуазным националистом”, “ревизионистом” и т. д., не прибегая к аргументам, лежащим в собственно научной плоскости.

Повторюсь, мнение М.Солонина и его единомышленников представляется наиболее близким к истине. Вообще во II Мировой войне народам СССР достался наихудший враг, какого лишь можно было представить, большевистскому же режиму – наилучший, а именно такой, на фоне которого даже коммунистическая власть представлялась “меньшим злом”.

Что до Германии, то следует признать: за 12 лет нацистский режим не успел утратить доверие большинства немецкого народа, и крах его объясняется исключительно внешними, а не внутренними причинами. Вплоть до последних месяцев войны случаи массовой сдачи в плен оставались редкими, а попытки сформировать из пленных военнослужащих вермахта “антифашистские” части ни к чему не привели. Причины сохранения немцами лояльности по отношению к правящему режиму и лично фюреру, как представляется, несколько. Прежде всего, нацисты пришли к власти демократическим путем, получив на свободных выборах большинство (хотя и относительное) голосов избирателей. Террор гитлеровского режима был обращен, в отличие от сталинского, преимущественно не на собственное население. Война долгое время относительно незначительно влияла на повседневную жизнь населения Германии: достаточно вспомнить, что переход III Райха к тотальной войне начал осуществляться

лишь начиная с завершающего этапа Сталинградской битвы, в соответствии с секретным приказом Гитлера от 12 января 1943, а окончательный перевод экономики на военные рельсы был завершён в начале 1944 г. Хотя броский лозунг “Пушки вместо масла!” и принадлежит Г.Герингу, однако куда более последовательно он осуществлялся в СССР в течение всей его истории.

Наконец, следует учитывать сам характер существовавшего в 1933-45 гг. режима. В течение длительного времени серьёзные исследования данной проблемы были попросту невозможны, не только в СССР, а и в странах Запада, прежде всего самой Германии, по чисто политическим соображениям. Считалось, что признание существования в этот период каких бы то ни было положительных явлений чревато опасностью реванша со стороны адептов нацизма. (Этот прием Дж.Оруэлл сформулировал в “Скотном дворе” как лозунг “Лишь бы не вернулся Джонс!”). Справедливо отмечается, что в результате история этого времени стала “объектом не беспристрастного исследования, а идеологического преодоления” [13, с.3]. Однако по мере того, как угроза реванша постепенно свелась к нулю, стали множиться попытки восстановить адекватную картину эпохи во всем ее многообразии. В самом деле, если квалифицировать поиск позитива в советской эпохе, к примеру, оценку Сталина как “эффективного менеджера”, признаком незаангажированности и беспристрастия исследователя, то неясно, почему подобный подход неприменим и к иным тоталитарным режимам. Т.Манн писал: “Нельзя забывать и нельзя никак оправдать того факта, что национал-социализм был искрометной революцией энтузиастов, настоящим немецким народным движением, которому были свойственны неведомые ранее масштабы духовного подъема, веры и громадного всеобщего воодушевления” [Цит. по: 13, с.5]. Несомненно, такой же

подъем, энтузиазм и вера были свойственны и раннему российскому большевизму: ведь именно во имя светлого будущего бескорыстные идеалисты готовы пойти на преступления, которые, даже суля баснословный процент прибыли, ужаснули бы капиталиста из хрестоматийного изречения.

Если обратиться к исследованиям на данную тему российских авторов, то упоминания заслуживают прежде всего работы О.Пленкова, которые дают широкую панораму политических, социальных, экономических, культурных реалий Германии эпохи нацизма и во многом отвечают на поставленный выше вопрос [10; 11; 12; 13; 14; 15]. Здесь и “экономическое чудо” тех лет – преодоление последствий “великой депрессии”, и ликвидация безработицы, и расширение возможностей социальной мобильности, и беспрецедентная социальная защищенность немцев, в сравнении как с более богатыми “плутократическими” США и Великобританией, так и социалистическим (хотя несколько по-другому), но нищим СССР, и беспрецедентные технические прорывы военных лет. Следует признать, что упомянутая устойчивая поддержка нацистского режима со стороны населения в какой-то мере оправдывает реализацию победителями принципа “коллективной ответственности” немецкого народа за преступления собственной власти (напомню, что как минимум 13 миллионов немцев было насильственно депортировано из стран Центральной и Восточной Европы; при этом количество погибших среди гражданского населения исчисляется сотнями тысяч).

Одной из отличительных черт истории как специфической области знания является широкое применение аналогий – разумеется, в случае, если это не противоречит принципам историзма. Относительно событий II Мировой войны правомерными представляются следующие (не слишком часто приводимые). Достаточно

вялые действия УПА против немцев, в ожидании будущего столкновения с советскими войсками, находят четкую параллель со стратегией в годы войны вооруженных формирований китайских коммунистов. Последние точно так же не слишком активно воевали с японскими оккупантами, уступив основную тяжесть борьбы с ними армии Гоминьдана, ввиду перспективы будущей борьбы за власть в Поднебесной. Что же до коммунистов Франции, то после ее разгрома их борьба (в то время, разумеется, вербальная) была преимущественно направлена против режима Виши, а не собственно немцев. Ситуацию в корне изменило лишь начало войны Германии против “отечества всемирного пролетариата”. Если же говорить о помощи англосаксов СССР в ходе войны, то уместна еще одна аналогия с Дальним Востоком, когда Советский Союз прекратил помощь Гоминьдану и даже осуществлял поставки ряда стратегических материалов в Японию, дабы избежать угрозы (как представляется, маловероятной) войны на два фронта.

Правомерен резонный вопрос: почему абсолютное большинство “ревизионистских” работ по истории II Мировой войны имеет схожую направленность, атакуя в первую очередь основополагающие советские (и производные от них) концепции? Мне представляется, ответ на него лежит на поверхности. За без малого полвека господства упомянутых концепций официальная советская историография тщательно составляла “синодик” как реальных, так и мнимых преступлений всех лиц, организаций, вооруженных структур, так или иначе противостоявших Советскому Союзу и сталинскому режиму (поскольку два эти понятия невозможно разделить, не погрешив против исторической правды). Совершенно естественно, что новым исследователям делать на этом поле оказалось почти нечего. В самом деле, много ли нового за эти 20 лет стало известно, к

примеру, о деяниях УПА? Исключением являются разве что события т. н. “волынской резни” лета 1943 г.; причины, по которым этот сюжет слабо эксплуатировался советской пропагандой, вполне могут стать предметом специального исследования. Следует упомянуть, что количество жертв этой трагедии, даже по самым высоким оценкам, несколько меньше числа поляков, уничтоженных в СССР в ходе “польской операции” НКВД 1937-38 гг.

Осуществляемый пересмотр истории II Мировой войны зачастую вступает в противоречие со стереотипами, установившимися (а точнее – установленными) в сознании значительной части населения постсоветского пространства. Что до учета “мнения народа”, то возьмется ли кто-либо всерьез утверждать, что по окончании II Мировой войны победители, причем не только СССР, а и западные демократии, проявляли какой-либо интерес к мнению немецкого народа, осуществляя здесь политические преобразования? Чтобы не оставлять оппонентам простора для спекуляций, замечу: я убежден, что иной способ действий был полностью исключен в тогдашней ситуации, когда общественное сознание в Германии пребывало под многолетним монопольным влиянием тоталитарной идеологии. Практика (в том числе и преодоления советского наследия) показывает, что последствия правления тоталитарных режимов значительно легче преодолеваются при внешнем управлении, а не тогда, когда осуществление реформ доверяется (полностью или частично) прежней элите. В данном случае мы наблюдаем не столь уж редкий пример того, как в непримиримое противоречие вступают два (зачастую неправомерно отождествляемых) принципа: демократии и либерализма.

Как показывает сегодняшний день, “промывание мозгов” в западных землях Германии оказалось более действенным, нежели в восточных. Доказательство этого

– то, что именно на территории бывшей ГДР сильнее позиции тех, кого условно принято называть “правыми радикалами”. В действительности по сути они весьма близки к своим левым собратьям, так же, к примеру, как национал-социалисты и большевики равно и предельно удалены от классических – не в терминологии нынешней Демократической партии США – либералов. В основе же традиционной острой вражды между крайне левыми и крайне правыми лежат далеко не только идеологические расхождения. Не менее важным является то, как заметил еще Ф. фон Хайек в известной работе “Дорога к рабству” (1944), что и те, и другие вербуют сторонников из числа людей с определенным типом сознания: “Если для коммуниста нацист, для нациста коммунист и для обоих социалист были потенциальными рекрутами, т. е. людьми, неправильно ориентированными, но обладающими нужными качествами, то с человеком, который по-настоящему верит в свободу личности, ни у кого из них не могло быть никаких компромиссов” [20, с.53-54]. Мнение фон Хайека тем более ценно, что его (хотя автору это было неизвестно) подтвердил лично Адольф Гитлер, с симпатией отзываясь о “здоровых натурах” коммунистов, а в беседе с Г.Раушнинггом (еще до прихода к власти) сказав: “Вообще-то между нами и большевиками больше объединяющего, чем разделяющего. Из мелкобуржуазного социал-демократа и профсоюзного бонзы никогда не выйдет настоящего национал-социалиста, из коммуниста – всегда” [9, с.18, 29-30].

В последние десятилетия распространено (в том числе и в отечественной историографии) представление о том, что одним из решающих факторов победы СССР явился отход от интернационально-коммунистических лозунгов в пользу национально-патриотических. Это утверждение содержит значительную долю истины, однако абсолютизировать его вряд

ли стоит. Как представляется, более существенную роль сыграли характер режима, противостоящего сталинскому, и место, отводившееся в его планах народам Советского Союза. Припомним, что официальная пропаганда царской России, апеллировавшая в годы I Мировой войны как раз к патриотическим чувствам, оказалась в конечном счете малодейственной; то же вполне справедливо и в отношении позднего СССР.

Предельно упрощая, можно предложить следующую схему процесса распада “исторической России” в XX веке. В I Мировой войне незавершенность формирования великорусской нации вкупе с рядом острых национальных, социальных и экономических проблем сделали царскую Россию “слабым звеном” в антигерманской коалиции. Союзница будущих победителей, империя Романовых в итоге прекратила существование на полтора года раньше держав Гогенцоллернов и Габсбургов, не говоря уже об Османах, а распалась на части годом ранее “лоскутной” Австро-Венгрии. Правда, уже через несколько лет почти все эти земли были собраны воедино, однако, что немаловажно, отнюдь не под лозунгами восстановления “единой и неделимой”. Напротив, речь шла о “пролетарском интернационализме”, по сути – ряде уступок национализму нерусских народов; огромную роль, разумеется, сыграла и социальная демагогия большевиков, в первую очередь по отношению к крестьянству.

После того, как надежды на осуществление и национальных, и социальных чаяний значительной – если не большей – части населения развеялись в начале 30-х гг., закономерным итогом стало то, что через несколько недель войны с Германией большевистский режим оказался на грани краха. Последнему не дали осуществиться прежде всего идеология и практика нацистского режима, огромное превосходство СССР в человеческих и материальных ресурсах, а также помощь

западных союзников. (По аналогии с утверждением, что на Гитлера работала вся Европа, не будет большим преувеличением сказать, что во II Мировой войне Германия воевала, в лице Советского Союза, Британской империи и США, со всем миром).

Наконец, последний распад, как известно, состоялся практически без единого выстрела, поскольку целостность СССР в 1991 году попросту никто не пожелал защищать. Вера в светлое будущее, которая помогла большевикам победить в первый раз, была уже практически исчерпана, а смертельно опасного врага, чье наличие “спасло” их во второй, не существовало.

В связи с этим стоит остановиться на термине “Великая Отечественная война”, пребывающем уже долгое время в центре острых дискуссий. В данном вопросе следует учитывать два аспекта. Первый из них: а правомерна ли подобная формулировка по существу? Нередко приходится слышать о том, что характер “отечественной” войне СССР против Германии придает ее характер, отличный от такового в Западной Европе, где боевые действия велись относительно “цивилизованно”, и таким же преимущественно было обращение с населением оккупированных стран (помимо евреев) и военнопленными. Все это полностью соответствует истине, однако заставляет сделать прямо противоположный вывод. Если человек или целый народ поставлен в ситуацию, когда речь идет о самом его существовании, естественной реакцией является бескомпромиссная борьба, и для ее ведения не требуется никаких иных (в том числе и патриотических) соображений. Иначе говоря, подобную ситуацию создает исключительно противник характером собственных действий. “Отечественный” же характер войны, как представляется, предполагает лежащие в ее основе патриотические мотивы и, в конечном счете, сознательный выбор модели поведения. Так, очевидно, что населению Великобритании

в случае заключения мира с Германией (и даже поражения и оккупации в результате гипотетического десанта вермахта) не угрожали принудительный труд, депортации, а тем более массовые казни. Речь для британцев шла “всего лишь” о национальной гордости и отчаянной (хотя в любом случае безнадежной) попытке сохранить империю и ее былые позиции в мире. При желании подобную войну можно назвать “отечественной”. Франция же, к примеру, не проявила такой воли к сопротивлению, хотя следует признать, что и положение ее было куда сложнее, чем у союзницы.

Однако есть и другой аспект проблемы. Один из аргументов сторонников данного термина сводится к тому, что, поскольку эта формулировка была общепринятой в соответствующее время, принцип историзма делает правомерным его употребление и в новейшей литературе. Вновь обратимся к аналогии. Вряд ли кого-либо удивит, если в научной статье, монографии и даже школьном учебнике царь Шумера и Аккада, в полном соответствии с тогдашней терминологией, один-два раза будет назван “правителем четырех сторон света”, а китайский царь эпохи Чжоу – “Сыном Неба”. Однако систематическое употребление таких формулировок (к тому же без кавычек) свидетельствует о том, что автор воспринимает их столь же серьезно, как и современники описываемых событий. Если гражданам Украины (в том числе и родившимся после 1991 г.) предлагается считать своим отечеством Советский Союз, тогда правомерно будет задать вопрос: может ли в принципе распад отечества не расцениваться как трагедия? А если так, то элементарная логика заставит считать трагедией и обретение Украиной независимости, которое было бы невозможно, останься СССР существовать. Какого-либо выхода из этой абсурдной ситуации попросту нет. Таким образом, сохранение указанного термина, в первую очередь в учебной литературе, с научной

точки зрения представляется не совсем правомерным, а с точки зрения национальных интересов – совершенно нецелесообразным.

Закончу же эту статью следующим. Несколько лет назад вышли в свет два увесистых тома, составляющие труд под названием “Вторая Мировая война, 1959-1964: альтернативный вариант”. Ему предпослана следующая аннотация: “Автор разработал такой вариант Второй Мировой войны, в котором пытался раскрыть истинный военный потенциал России в этой войне. ... События и операции разработаны по их наибольшей вероятности. Во главе России поставлен Жуков, наделенный автором всеми необходимыми качествами” [7, с.2]. Если понимать термин “ревизионизм” буквально, то здесь он представлен в концентрированном виде. Говоря коротко, суть авторского варианта – война СССР и его немногочисленных союзников, подобранных по весьма прозрачному принципу (Польша, Чехословакия, Югославия, Болгария), против всемирной коалиции – Великобритании, Франции, Германии, Италии, Японии, США, Китая, Турции и т. д. Воображаемый ход боевых действий описан в мельчайших подробностях. Читать этот текст полностью, разумеется, невозможно, но, даже бегло пролистав книгу, получаешь редкостное эстетическое удовлетворение. Чего стоят, к примеру, генерал Запорожец, громящий британцев в Египте, марш по Москве 40 тыс. плененных в Индии англичан, югославы, воюющие в Эритрее и Сомали, и болгары – в Мозамбике и на Мадагаскаре, и, наконец, министр иностранных дел граф Воронцов, победа в сражении “Цусима-2” над внуком адмирала Того и русский десант в Англии. Итоги – присоединение к России, помимо прочего, Финляндии, половины Румынии, зоны проливов, Монголии, Маньчжурии, Китайского Туркестана, Кореи, Аляски, Гавайских островов и британских владений в Африке.

Наверное, не одному из моих коллег доводилось в отрочестве “улучшать” реальные границы на контурных картах. Если верить биографам, грешил этим в соответствующем возрасте и Освальд Шпенглер. Правда, повзрослев, он не стал писать о том, как Германия могла победить своих противников в I Мировой войне и какими территориями при этом прирасти, а создал труд, к которому относятся по-разному, но, главное, спустя столетие продолжают читать и спорить о нем. Что же до попытки его соотечественников провести ревизию итогов войны на практике, то она привела Германию и ряд других стран к трагедии II Мировой. Остается лишь надеяться, что с такой близкой нам страной, как Россия, никакой трагедии не случится, а все, по известной закономерности, ограничится таким же фарсом, каким является упомянутая книга.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачева. – М.: Вече, 2011.
2. Гофман И. Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы. – М.: АСТ – Астрель, 2006.
3. Гриневич В. Історія Другої Світової війни у сучасній історіографії та політичній боротьбі // Український гуманітарний огляд. – Вип. 11. – К.: Критика, 2005. – С.9-29.
4. Грицак Я. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX-XX століття. – 2-е вид. – К.: Генеза, 2000.
5. Залесский К. СС. Охранные отряды НСДАП. – М.: Яуза – Эксмо, 2004.
6. Косик В. Україна і Німеччина у Другій Світовій війні. – Париж-Нью Йорк-Львів, 1993.
7. Липилин В.С. Вторая Мировая война, 1959-1964: альтернативный вариант: В 2 т. – Т.2. – М.: АСТ – Астрель – Хранитель, 2007.
8. Мельпохов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941. – М.: Вече, 2000; <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html>
9. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск: Русич, 1993.
10. Пленков О.Ю. Тайны Третьего Рейха. Гибель вермахта. – М.: ЗАО “ОЛМА Медиа Групп”, 2010.
11. Пленков О.Ю. Тайны Третьего Рейха. “Гладиаторы” вермахта в действии. – М.: ЗАО “ОЛМА Медиа Групп”, 2010.

12. Пленков О.Ю. Тайны Третьего Рейха. Культура на службе вермахта. – М.: ЗАО “ОЛМА Медиа Групп”, 2010.
13. Пленков О.Ю. Тайны Третьего Рейха. Рай для немцев. – М.: ЗАО “ОЛМА Медиа Групп”, 2010.
14. Пленков О.Ю. Тайны Третьего Рейха. Спартанцы Гитлера. – М.: ЗАО “ОЛМА Медиа Групп”, 2010.
15. Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). – СПб.: “Владимир Даль”, 2011.
16. Симонян Р.Х. Прибалтика. Вспоминая предвоенные годы // Международная жизнь. – 2009. – №1. – С.58-77.
17. Системная история международных отношений в двух томах / Под ред. А.Д.Богатурова. – 2-е изд. – Т.І. События 1918-1945 годов. – М.: Культурная революция, 2009.
18. Солонин М.С. 22 июня. Анатомия катастрофы. – 2-е изд. – М.: Яуза – Эксмо, 2008.
19. Україна: політична історія. XX – початок XXI століття. – К.: Парламентське вид-во, 2007.
20. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. – М.: Новое издательство, 2005.
21. 65-та річниця проголошення Акту відновлення Української Держави 30 червня 1941 року: Збірник документів. – К.: УВС, 2006.
22. <http://gidepark.ru/community/129/article/289715>
23. http://valerivolkov.narod.ru/ad08_09.htm
24. <http://volgograd.russiaregionpress.ru/archives/1024>
25. http://www.solonin.org/article_mmelyuhov-i-msolonin-v-fire